

Ш

ЕРЕФРАЗИРУЯ известное выражение, можно сказать, что театр все-таки начинается с афиши. Польские театры в самом деле пачинаются на улицах. Яркие, броские, остроумно, талантливо сделанные афиши не теряются в пестром коловращении города — его домов, витрин, реклам и автомобилей. Без своих театральных реклам Варшава была бы уже не та Варшава и праздника бы поубавилось.

Вспоминая разнообразный, как целое десятилетие, месяц, проведенный мною в Польше, я снова и снова возвращаюсь к театральным впечатлениям. Весь этот месяц почти ежевечерне я ходил в театр. Ходил исправно, как на службу, и все-таки в день отъезда варшавские друзья предьявили мне довольно длинный «список упущенного». Как же это я не посмотрел Абрамовского «Ангела на вокзале»? И «Замок» Кафки, и бабелевскую «Одессу» в еврейском театре, и «Дон Жуана»? Но самое интересное, говорят, я все-таки посмотрел.

Среди этих спектаклей были вещи превосходные, и хорошие, и «ничего себе». Но главное, определяющее впечатление от всего виденного: атмосфера постоянного поиска, напряженного и смелого поиска, подстегиваемого постоянным, неослабевающим соревнованием талантов, манер, школ...

Я начну, пожалуй, с двух спектаклей Народного театра, хорошо знакомого москвичам. Это ролевые вещи — «Жизнь Иосифа» и «История о славном вознесении из гроба». Построены они по принципу «шоппи» — красочного народного действа, полного веселой силы и озорства.

В канун позапрошлого рождества в подвале костела на варшавской улице Миодовой мне случилось видеть настоящую «шоппу». Но вот здесь по театральной сцене разгуливают очень театральные, очень условные святые с постылыми рожами и в небрежно приклеенных бумажных бородах. И все идет истоно, весело и несерьезно, как на деревенском маскараде. Люцифер ходит в вывернутой овчине, хитрый аптекарь очень житейски пытается всучить Марии-Магдалине какую-то дрянь вместо благовонного мирра, Христос говорит боцманским басом.

И все время идет уморительный самокомментарий. Скажем, Понтий Пилат скучным голосом деловито сообщает зрителям: «Вот смотрите, сейчас я приду в ярость». После чего принимает картинную позу, начинает топтать ногами и орать что-нибудь вроде: «О-о! Как я ужасно разгневан!». Потом снова сообщает шепотом: «А сейчас Пилат пожмет плечами и уйдет». После чего, действительно, пожимает плечами и уходит. Вот в таком роде.

В «Жизни Иосифа» радость доставляет любимый Варшавой и недавно влюбивший в себя Мошну Войчех Семнон. Просто заразителна его лукавая, дьявольски талантливая игра. Вот именно игра в полном, самом что ни на есть детском смысле слова.

Юмор, которым пронизано многое в польской жизни (в том числе и действительно святое, истинно патетическое), придает особенную прелесть и театральному отражению этой жизни — вчерашней и сегодняшней. Юмор, что называется, в крови. Пугалица-школьница сунула при мне в огромную кучу записочек, сложенных у гробницы королевы Ядвиги, вот такое прошение:

Известия-припоминания

ДАЖЕ БОЛЬШЕ, ЧЕМ ТЕАТР

Илья ЗВЕРЕВ

«Милал святая Ядвига! Если ты правда можешь что-нибудь — помоги мне завтра на экзамене». Директор небольшой фабрики — мой случайный сосед по купе, — зло иронизировавший насчет нелепых порядков в своем деле, явно был в это самое дело влюблен, и ирония только подчеркивала эту влюбленность.

Смотришь новую программу СТС — известного студенческого театра в Варшаве. И сначала может возникнуть ощущение, что ребята смеются решительно надо всем, что нет для них ничего заповедного, святого, обязывающего и благоговейного. Но с каждой минутой все явственнее и необманнее ощущаешь, что в острейших сценках, иногда убийственно саркастических, воюющих со всяческой дрянью просто на истребление, главным двигателем остается страстная любовь к своей стране, надежда и уверенность, что она не может не стать еще лучше.

И гимн, завершающий эту злободневную программу, оказывается ключом ко всему, что происходило в этот вечер в СТС, что было в других столь же острых и современных варшавских спектаклях.

«Мне не ест як, мне не ест до... Мне не ест вишестко едно!» — пели студенты под занавес. «Мне не все равно! Мне ни что на свете не все равно!»

Равнодушно, подлой менцанской невозмутимости перед всем, что не касается собственной шкуры, предательскому себялюбию дан бой в замечательном, на мой взгляд, интереснейшем из всего мною виденного в Варшаве, спектакле «Танго». Эрвин Аксер, поставивший трудную и жестокую эту пьесу в Современном театре, актеры, играющие точно и бесспорно, автор — огорчительно мало известный у нас Славомир Мрожек — были одушевлены высокой ненавистью. Бывает ведь не только высокая любовь, но и высокая ненависть.

Словно под микроскопом вирусолога открывается перед нами питательная среда фашизма — аморальный, алогичный животный мирок. Пыль-

ный, бессмысленный быт, безграничное скотство сосредоточенных на себе, но уже и себя-то бессильных любить людишек. Наружная, уже давно как бы и неживая, бабуса, желающая влиять на жизнь со своих покойничьих позиций, и толстый болтливый тюфак — папаша, лениво философствующий под дверью, за которой его жена блудит с дворецким, в конце концов рефлексирующий сынок — врач, захваченный мыслью, что «только власть может превратить ничто в нечто».

И надо всем этим торжествующий хам Эдек — чудовище с сонными глазами, прекрасным пищеварением и статью производителя — без проблем, без сомнений, без чувств. И этот скот в конце концов беззлобно, просто для собственного удобства убивает врача и воцаряется в доме и танцует над трупом старинное «Танго». Это все очень страшно, это предостережение, заставляющее думать и решать что-то за себя и за общество. И долго еще в ушах гремит жеманное «Танго знойной Аргентины», казавшееся прежде просто пошлым мотивчиком, а тут вдруг получившее новый — такой грозный и будоражащий смысл.

В том же Современном театре я видел пьесу Олби «Кто боится Вирджинии Вульф». Это тоже острая вещь, вскрывающая безумие бытового, что ли, будничного «самоедства», когда люди любящие, единственные друг у друга, терзают и травят себя. Но при всем исключительно высоким режиссерском и актерском мастерстве этот спектакль говорит не больше того, что разыгрывается на сцене. В нем, равно как и в Милеровском «После падения», показанном Драматическим театром, нет того, что потрясает в «Танго», нет второй и третьей глубины.

Конечно же, варшавский репертуар вовсе не ограничивается пьесами такого драматического напряжения. Мне случилось повидать несколько веселых и вполне беспроблемных спектаклей. Тут был и совершеннейший пустяк, мило разыгранный театром «Сирена». Называется он «Летающие девушки» и повествует о терзаниях некоего парижского ловеласа, который завел себе сразу несколько любовниц-стюардесс. Такой же пустячок я смотрел и в театре Комедии. Называется он «Лгуны» и трактует незамысловатые проблемы супружеской измены — мнимой и действительной.

Но вот в том же театре Комедии я слушал «Май фер лэди» с Барбарой Рильской в роли Элизы Дулитл — и это было здорово, артистично, темпераментно. Так что через десять-пятнадцать минут после начала уже невозможно было сердиться на средненький оркестр, на плохонькие костюмы. Словом, чистый праздник,

всеобщее веселье, объединяющее сцену и зал. Я непременно должен сказать и о любимом варшавянами обозрении Агнешки Осецкой «Когда зацветут яблони» (театр «Атенеум»). Это отменно придумано: построить почти трехчасовой спектакль на популярных песнях давних и недавних лет. Здесь и томные романсы двадцатых годов, и предвоенные шансонетки, натужно демонстрировавшие беззаботность на самом пороге катастрофы, и грустные напевы местечек, и песни войны. А потом каскад мелодий новой Польши — тоже совсем не однородных — от ложно богатырских ораторий, звучащих сегодня почти пародийно, до подлинно мужественных и сердечных песен возрождающейся Варшавы.

И оказалось, что за этими вроде бы несоединимыми напевами встает такой зримый, такой волнующий, просто переворачивающий сердце образ времени, пережитого страной, поднимается из тайников памяти столько доброго и худого. Возникают (казалось бы, в таком неожиданном месте!) те самые нужные глубины — и вторая, и третья.

Исполнители этих песен — условно, но на редкость точно выбранные «маски»: «Гость, который платит», «Простой парень», «Кокотка Мими» или во второй части «Организатор», «Коллега по работе», «Отсталый элемент» и т. п. Это тоже живая история. Очень жаль, что у нас не додумались сделать такого же рода обозрение, целиком построенное на памятных нам песнях, за каждой из которых встанет бог знает сколько милого и трудного, и непреходящего...

То, что показывают в СТС и «Атенеуме», как-то смыкается с программами многочисленных «кабаретов». Это волнющие и — в

каждом случае своеобразные — эстрадные представления, чаще всего разыгрываемые ночью в популярных кафе, скажем, в варшавском «Новом святе» или краковской «Михай л н к о в о й яме». Все это программы очень злободневные, веселые, насыщенные музыкой, и участвовать в них считают честной популярнейшие актеры. Такие «кабареты» сродни, пожалуй, нашим «капустникам», время от времени устраиваемым в так называемых творческих клубах, в студенческих и рабочих домах культуры. Разница тут только в некой стационарности польских коллективов, в неизменно высоком их профессионализме.

Боюсь, что мне все равно не пересказать всех моих театральных впечатлений варшавской осени. Думаю, что большой радостью для всех нас были бы регулярные (а не от случая к случаю, как сейчас) гастроли лучших театральных коллективов братской страны. Существование «Интервидения», пока еще не слишком балующего нас зарубежными театральными новинками, тоже должно помочь этому знакомству. Потому что польский театр — это больше, чем просто театр, он помогает многое понять про страну, про народ, про современность...